

Патрушев Сергей

КОНЕЦ СВЕТА

Сергей Патрушев

Конец Света

«Автор»

2026

Патрушев С.

Конец Света / С. Патрушев — «Автор», 2026

Элизабет Паттерсон — офисная служащая, в одночасье ставшая «Искрой», способной менять саму ткань реальности. Прыжок за прыжком она проходит через эпохи: от пылающего пляжа Апокалипсиса до дворцов Китая и окопов Первой мировой. Пытаясь спасти миры, Элизабет понимает страшную истину: каждое её вмешательство лишь множит страдания. Чтобы остановить бесконечный цикл гибели цивилизаций, ей придется отказаться от собственной человечности, сразиться с Судьбой и самой стать Духом Моря — вечным стражем равновесия между порядком и хаосом.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний закат	5
Глава 2. Шепот камня	12
Глава 3. Дух Моря	21
Глава 4. Первый шаг в бездну	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Патрушев

Конец Света

Глава 1. Последний закат

Песок под босыми ступнями Элизабет больше не был теплым. Он вытягивал из нее жизнь, как губка впитывает пролитую воду, превращаясь в ледяной, тяжелый монолит. Каждый шаг отдавался тупой болью в сводах стоп — она бежала так долго, что стерла кожу до мяса, но перестала чувствовать это еще три километра назад, когда за ее спиной рухнул маяк на мысе Святого Иеремии. Рухнул беззвучно, проглоченный ревом атмосферы, и лишь секундой позже ударная волна швырнула ей в спину град раскаленного стекла и бетонной крошки.

Небо над океаном сошло с ума.

Закат должен был быть багровым, торжественным предвестником ночи, тем самым идеальным закатом, который туристы ловят на свои камеры, чтобы выложить в сеть и собрать сотни пустых лайков. Но сейчас горизонт горел цветом вскрытой вены. Солнце, уже скрывшееся за краем земли, словно оставило после себя незаживающую рану, из которой пульсирующим светом сочилось нечто инородное. Это были не облака. Облака давно сгорели в верхних слоях стратосферы, обратившись в перистые хлопья пепла, медленно оседающие на планету вместе с первым снегопадом этой бесконечной зимы.

С неба падали звезды. Не те робкие падающие искорки, на которые принято загадывать желания в душных летних парках. Небо разрывали огненные метеориты величиной с городской квартал. Они входили в плотные слои воздуха без привычного голливудского свиста. Физика процесса была проще и страшнее: объект двигался быстрее звука. Сначала вспыхивала ослепительная бело-голубая точка, выжигая сетчатку даже сквозь плотно сжатые веки, а спустя мучительную паузу приходил звук. Звук рвущейся бумаги, умноженный на миллион вселенных. Воздух дрожал настолько сильно, что вибрация проникала в костный мозг, заставляя зубы крошиться от резонанса.

Элизабет остановилась у самой кромки прибоя. Ее легкие горели, требуя кислорода, которого становилось все меньше. Плотность атмосферы менялась на глазах; каждый вдох царапал трахею наждаком. Она сорвала с шеи цепочку с дешевым кулоном-подковой — подарок матери на десятилетие, единственная вещь, пережившая эвакуацию из Ньюпорта. Металл обжег пальцы. Элизабет размахнулась и швырнула его в кипящую воду. Прощай, детство. Прощай, иллюзия того, что амулет может уберечь от сглаза. Сглаз оказался астероидным поясом, сошедшим с орбиты.

Океан бурлил. Вода потеряла свой цвет. Там, где волны лизали берег, они были густо-черными от поднявшегося со дна ила, сероводорода и миллионов тонн погибших планктонных организмов. Дальше, метрах в ста от берега, вода светилась адским, токсичным изумрудом. Это флуоресцировал перегретый базальт морского дна, обнажившегося там, где гравитационное поле проходящих мимо небесных тел оттянуло мировой океан к экватору. Волны шли неправильные. Прилива и отлива больше не существовало. Вода двигалась хаотичными, судорожными толчками, сталкиваясь сама с собой, образуя водовороты высотой с пятиэтажный дом. Один такой водоворот только что поглотил нефтяной танкер, шедший в сторону Европы. Огромное судно исчезло в воронке за десять секунд, не издав ни гудка. Только скрежет рвущегося металла долетел до пляжа через полминуты, похожий на крик умирающего левиафана.

Мир рушился не снаружи. Мир рушился внутри головы Элизабет.

Она посмотрела на свои руки. Кожа пошла пятнами ожогов второй степени — результат пробежки под метеоритным дождем без защиты. Ногти обломаны до мяса. На правом пред-

плечье лопнул капилляр, и по руке расплзлось темно-синее пятно гематомы, напоминающее очертания Африки. Африка тоже должна была погибнуть первой. Или Австралия? В новостях кричали так много противоречивого в последние сорок восемь часов, что география превратилась в абстракцию. Важен был только факт: планета попала в мясорубку. Рой космических тел, невидимый телескопам до самого последнего момента из-за солнечной интерференции, пересек орбиту Земли. Первый удар пришелся по Луне. Человечество наблюдало красивую картинку в прямом эфире — серебряный спутник пошел трещинами, как брошенное на пол зеркало, и рассыпался. А потом осколки начали падать обратно. А следом пришло то, что тянулось за роем — гравитационный шторм.

— Нет, — прохрипела Элизабет, и ветер тут же украл это слово, размазав его соленой слюной по лицу. — Нет-нет-нет.

Это было нелепо. Слово «нет» против триллионов тонн летящего камня и законов термодинамики. Жалкий лепет млекопитающего перед лицом энтропии. Она упала на колени прямо в шипящую пену. Ледяная, химически отравленная вода обожгла разодранные колени. Боль была чистой, острой и абсолютно реальной. Она заземляла. Она доказывала, что Элизабет еще существует. Что ее синапсы еще способны передавать сигналы тревоги.

Ее взгляд метнулся к горизонту. Там, примерно в тысяче километров, где небо встречалось с мертвой водой, восходила стена. Темно-серая, почти черная, уходящая вершиной в космос. Мегаполис воды. Цунами, рожденное смещением тектонических плит Тихоокеанского огненного кольца. Оно двигалось со скоростью сверхзвукового истребителя. Береговая охрана прекратила передачи два часа назад. Последним кадром их трансляции была камера, установленная на пирсе Сиэтла, которая просто показала абсолютную пустоту, а затем экран залило белым шумом.

Элизабет поняла, что человечеству остались минуты. Возможно, десятки минут для тех, кто успел уйти в высокогорные бункеры Алтая или Анды. Но для нее, для этого пляжа, для всей низменности восточного побережья — секунды. Эта мысль принесла не ужас, о котором пишут в книгах. Ужас закончился час назад, когда взорвались ближайшие АЭС, окрасив ночное небо на севере в мертвенно-зеленый цвет Черенкова. Сейчас осталась только звенящая, оглушающая ясность. Чистота финала.

Паника требует энергии. Энергии больше не было. Остался только холодный протокол завершения программы. Если программа не может быть выполнена, она должна закрыть процессы корректно. Элизабет опустила руки в песок. Песок был перемешан с битым стеклом, обрывками полиэтилена и мелкими белыми камешками — останками чьих-то разгрызанных зубами панцирей.

Кому молиться?

Этот вопрос всплыл в сознании с абсурдной четкостью. Десять лет воскресной школы при лютеранской церкви. Проповеди отца Мюллера о всепрощении. Экзамены по катехизису. Бог есть любовь. Где он сейчас, этот любящий отец? Наблюдает за симуляцией? Нажал кнопку «Форматировать диск»?

Ветер усилился, пытаясь сбить ее с ног, забить легкие песком. Элизабет пригнулась ниже, упираясь ладонями в мокрую землю.

Если Бога нет, остаются боги. Все сразу. Старая языческая сделка: если не знаешь, какая сила правит балом, задобри всех оптом. Авось какой-нибудь мелкий дух перекрестка или забытое морское чудовище услышит личную мольбу посреди планетарной катастрофы.

Она набрала полную грудь гнилого, горячего воздуха. Горло свело спазмом.

— Элохим! — крикнула она в свинцовое небо, вкладывая в древнееврейское имя остатки связок. Голос прозвучал жалко, сорвавшись на последнем слоге. — Яхве! Саваоф! Тот, кто отделил твердь от хляби! Ты любил этот мир! Ты называл его хорошим! Забери хотя бы память о нем! Спаси данные! Пусть хоть кто-то в архивах вселенной узнает, что мы смеялись!

Метеорит размером с футбольное поле прочертил небо чуть севернее, осветив пляж дневным светом на две секунды. В этом свете Элизабет увидела свою тень — длинную, искаженную, переломленную в пояснице. Тень человека, готового сломаться пополам. Океанская вода зашипела сильнее — упал мелкий осколок Луны, подняв столб пара.

— Мардук! — продолжила она, захлебываясь слезами и солью, поворачиваясь на коленях к воде. Древний покровитель Вавилона, победитель Тиамат, праматери хаоса. — Ты понимаешь в первозданном океане! Утихомирь ее! Запечатай бездну! Тебе приносили в жертву быков, я отдаю тебе свою кровь! Бери!

Она провела ногтями по запястью, оставляя четыре глубокие борозды. Кровь выступила темными каплями, мгновенно растворяясь в черной воде. Водоворот неподалеку фыркнул, выбросив вверх фонтан радиоактивной пены.

— Тор! — голос становился тише, силы вытекали вместе с кровью в песок. Громовержец с молотом. — Где твой молот?! Бей! Расколи эту черепицу! Дай нам умереть быстро, под твоими небесами, а не под этим липким зеленым свечением распада! Иисус Христос! Мария Дева! Будда! Кришна! Великий Джа! Маниту! Перун!

Она перечисляла имена, выуживая их из пыльных углов памяти, из школьных уроков истории, из названий рок-групп, из этикеток на туристических сувенирах. Аллаху она назвала шепотом, чувствуя странную вину перед памятью отца Мюллера, но страх смерти был сильнее догматов. Она называла духов ветра, духов огня, хранителей леса. Она обещала им вечность своей души, поклонение своих нерожденных детей, первенцев своего скота — забыв, что скот сгорел в загонах Огайо, а дети теперь стали лишь статистической погрешностью в уравнении конца света.

— Умоляю... — простила она, сгибаясь так низко, что коснулась лбом песка. Лоб стал влажным и горячим. — Спасите не нас. Мы заслужили это своим равнодушием. Своей нефтью. Своими войнами за границы, которых скоро не будет. Спасите доказательство. Оставьте хотя бы один камень. Одну бактерию. Одну книгу в герметичном сейфе. Чтобы эта боль, моя личная боль в колене, мой стыд, моя первая влюбленность, мое ожидание автобуса под дождем в Питтсбурге — чтобы всё это не обернулось в ноль. Сделайте смерть значимой! Пожалуйста...

Она начала бить кулаками по воде. Ритм был рваным, истеричным. Раз-два-три. Раз-два. Удар. Удар. Холод океана окончательно сковал кисти рук. Суставы пальцев побелели.

— Слышите?! — закричала она в никуда. Слезы кончились. Глаза жгло от соли и космического излучения. — Кто-нибудь вообще слышит?!

Ответом послужил нарастающий низкий гул. Это была не сирена гражданской обороны — динамики давно расплавились. Это был сам воздух, уплотняющийся перед фронтом той самой серой стены. Стена цунами закрыла уже половину горизонта. До удара оставалось около семидесяти секунд. Скорость волны перемелет прибрежный песок в стекло прежде, чем вода доберется до колен Элизабет.

Она почувствовала, как уходит тепло из макушки. Тепловая смерть личности. Организм начинал отключать периферию, готовясь к финальному шоку. Зрение сузилось до туннельного. В центре этого черного круга остался только зеленый, ядовитый блеск воды.

И тогда молитва изменилась.

Она перестала просить богов. Боги либо глухи, либо заняты демонтажом системы. Она начала торговаться с самим миром. С физикой. С пространством-временем.

— Хорошо, — прошептала она, глядя в зеленую муть. — Хорошо. Если вам нужно жертвоприношение, возьмите меня целиком. Прямо сейчас. Без боли. Растворите. Я согласна стать молекулой в вашей новой атмосфере. Я стану углеродом. Я стану частью вон того метеорита. Только сделайте это чисто. Не размазывайте меня по бетону. Примите мою капитуляцию. Я сдаюсь. Весь вид *Homo sapiens* сдается. Отмените обновление. Форматируйте.

Она легла на живот, позволяя ледяной воде сомкнуться над ее головой. На секунду наступила абсолютная тишина — пузырь воздуха между ее ухом и поверхностью воды отсекал все внешние звуки. Был только глухой, утробный стон планеты.

Элизабет открыла глаза под водой.

Зеленое свечение стало невыносимым. Оно просвечивало толщу океана насквозь. И в этом свете, глубоко внизу, куда не доставал взор человеческого ребенка, но куда заглянул взор женщины, готовой умереть, она увидела движение.

Это не было галлюцинацией от нехватки кислорода. Кислород перестал поступать, и мозг выдавал последние кадры в максимальном разрешении.

Дно океана шевелилось.

Черный ил расступался. Из него поднималось нечто колоссальное, спящее миллионы геологических эпох. Оно не имело формы кита, осьминога или дракона, потому что человеческий язык не знал слов для описания таких геометрических форм. Это была живая архитектура. Шпили из обсидиана, соединенные мембранами, пульсирующими внутренним светом. Существо начало разворачиваться, заполняя собой впадину Марианской впадины, которую оно, видимо, считало тесной обувью.

Один из его плавников — если можно было назвать плавником крыло площадью с Австралию — поднялся и мягко, почти нежно толкнул основание надвигающейся серой стены воды.

Цунами замерло. Миллиарды тонн воды зависли в воздухе, образовав идеальный вертикальный срез. Время дало течь.

Гравитационный шторм вокруг планеты внезапно прекратил рвать облака. Метеориты, входящие в атмосферу, наткнулись на невидимую преграду. Ближайший болид, который должен был превратить весь континент в ровное стекло, изменил траекторию на девяносто градусов и ушел в открытый космос, оставив в небе лишь короткий штрих копотного золота.

Элизабет вынырнула, отплеываясь.

Воздух изменился. Радиация схлопнулась, втянутая в невидимый фильтр. Песок под руками снова стал просто песком — прохладным, чистым, состоящим из кварца. Зеленый туман над океаном рассеялся, сменившись глубоким, здоровым сапфировым цветом здоровой морской воды. Бурление прекратилось. Океан дышал ровно, как спящий младенец.

Штиль. Абсолютная, неправдоподобная тишина. Даже ветер затаил дыхание.

Звезды вернулись. Настоящие, холодные, далекие алмазы. Никакого огня. Никаких разрушений. Луна висела на своем месте — целая, круглая, бледная, слегка смущенная тем, что ее застали в процессе сборки самих себя.

Элизабет села по шею в воде. Вода была теплой, как в материнской утробе. Она посмотрела на свои ноги. Целые. Ни царапин. Колени целы, кожа гладкая, как у подростка. Кровь на запястьях исчезла, раны затянулись, оставив лишь едва заметные розовые полосы, похожие на следы от снятой повязки.

Она ощупала лицо. Сухое. Губы не потрескались. Легкие полны сладкого, озонированного воздуха.

— Что... — начала она и замолчала. Собственный голос показался ей чужим, слишком громким для этой ватной тишины.

Над горизонтом вставало солнце. Обычное, утреннее, желтое солнце. Оно освещало пустынный пляж, на котором не было ни единого следа падения метеоритов. Ни единой воронки. Ни одного оплавленного куска породы. Маяк на мысе Святого Иеремии стоял на месте — белый, аккуратный, бросающий на воду свой дежурный луч.

Мир был безупречен. Идеален. Стерилен.

Элизабет попыталась встать. Ноги не слушались, но не от усталости. Они отказывались держать вес, потому что концепция веса вдруг стала необязательной. Она оттолкнулась от дна и зависла в воде вертикально. Соленая вода держала ее, как густой гель.

Из глубины, оттуда, где изгибалась линия материкового шельфа, поднялась тень. Она не пугала. Присутствие этой тени ощущалось как возвращение домой после долгого, тяжелого путешествия в чужой, враждебный город.

Тень приняла форму. Вернее, она позволила Элизабет интерпретировать эту форму так, чтобы рассудок человеческой женщины не соскользнул в окончательное безумие. Перед ней, выступая из воды по пояс, стояла фигура. Высокая, сотканная из уплотненного лунного света и запаха озона после грозы. У фигуры не было лица, но был вектор внимания, направленный исключительно на Элизабет.

Сознание Элизабет дернулось, пытаясь зацепиться за знакомые паттерны. Ангел-хранитель? Инопланетный разум? Галлюцинация коры головного мозга, компенсирующая шок? Фигура сделала шаг вперед. Вода не расступилась перед ней, она просто пропускала существо сквозь себя, как свет проходит сквозь стекло. Когда существо заговорило, Элизабет не услышала звуков. Слова возникали непосредственно в центре ее лобных долей, минуя барабанную перепонку.

«Ты позвала всех».

Голос не имел пола, возраста или интонации. Это была чистая информация, структурированная в понятные фонемы.

— Я думала, вы сказки, — выдохнула Элизабет. Вода больше не казалась холодной. — Для контроля масс. Опиум.

«Сказки — это интерфейс. Самый энергоэффективный способ передать концепцию существам вашего биологического вида. Вы создали тысячи имен для одной функции. Мы отвечаем на любой рабочий вызов».

— Значит... сработало? Мой список контактов? — губы Элизабет дрогнули в подобии улыбки, но тут же обвисли. — Но ведь ничего не спаслось. Люди. Города. Искусство. Моя квартира. Фотографии родителей. Всё обратилось в плазму. Я видела это. Я чувствовала жар на лице.

«Тот слой реальности обратился в плазму. Локальная итерация закрыта. Процесс деинсталляции был запущен согласно протоколу утилизации отработанной материи. Ты умоляла спасти доказательство. Ты умоляла сделать смерть значимой. Ты предложила себя в качестве жертвы».

— И вы отменили конец света? — с надеждой прошептала Элизабет, оглядываясь на целый, невредимый горизонт. — Вы откатали систему? Как последнюю версию Windows?

Существо не издало звука, но Элизабет физически ощутила волну чего-то, очень похожего на сострадание. Оно было тяжелым, как двухсотметровая толща воды.

«Мы не можем отменить закон сохранения энергии, дитя. То, что должно было разрушиться, разрушено. Термодинамика непреложна. Взрывы произошли. Жизни оборвались. Боль была прожита. Мы лишь изолировали тебя в кармане стабильности, пока ты завершала транзакцию».

— Транзакцию? — Элизабет нахмурилась. — Я просто лежала в воде и торговалась с бездной.

«Нет. Ты совершила акт осознанной воли в момент абсолютного коллапса причинности. Когда пространство-время рвется, обнажается ядро. Субстрат. Ты вошла в контакт с нами напрямую. Не через веру, не через ритуал, а через чистую потребность смысла. Ты сказала: "Я сдаюсь". Но твоя биохимия имела в виду другое. Ты хотела обменять свое существование на продолжение существования идеи.»

Элизабет смотрела на свои руки. Они снова принадлежали ей — тридцатидвухлетней женщине, редактору скучного финансового журнала, которая вчера утром пролила кофе на отчет, а вечером собиралась смотреть сериал. Вот только вчерашнего утра больше не существовало. Как и всего остального времени до этого мига.

— Какой идеи? — спросила она, хотя уже знала ответ. Страх испарился, оставив после себя звенящую пустоту любопытства.

«Идеи свободы. Осознания. Способности посмотреть в лицо абсолютному уничтожению и вместо животного ужаса выдать запрос на метафизический смысл. Ты оказалась единственным терминалом на планете, который в момент системного сбоя набрал правильный код доступа. Остальные посылали проклятия, прятались в подвалах или сходили с ума. Ты попросила сохранить опыт».

Существо протянуло руку. Ладонь была полупрозрачной. Сквозь нее Элизабет видела восходящее солнце.

«Мы называем себя Элей. Мы — архитекторы переходов. Садовники сознания. Планета Земля — наш старый, любимый, но безнадежно зараженный вирусом эгоизма сервер. Мы должны были форматировать его полностью. Катаклизм был запрограммирован миллиарды ваших лет назад. Но ты дала нам повод вмешаться в исполняемый код».

— Я сохранила мир? — тихо спросила Элизабет.

«Ты сохранила право на создание нового мира. Старый выгорел дотла во временной петле, которую мы свернули ради тебя. Его пепел стал удобрением. Те люди погибли, Элизабет. Их агония была настоящей. Но их сознание — чистые, отфильтрованные данные опыта — теперь здесь. Со всеми их молитвами, ошибками, смехом и ненавистью. Архив загружен».

— А я? Почему я здесь? Почему я помню огонь, если его не было? — Элизабет перевела взгляд с сияющей руки на спокойный океан. — Я чувствую себя призраком.

«Потому что старая оболочка Элизабет Паттерсон сгорела в фотосфере. Та девушка умерла семь минут назад, сжимая кулаки в радиоактивной грязи. Новая версия родилась в точке сингулярности твоей молитвы. Мы извлекли ядро твоей личности. Теперь ты — носитель. Ковчег. Ты прошла путь от офисного работника, перекладывающего цифры в ячейках таблицы, до человека, осознавшего свою внутреннюю свободу в момент нажатия кнопки "Удалить всё"».

— Я не чувствую никакой свободы, — призналась Элизабет. — Я чувствую, что меня обманули. Мне дали выжить, но отобрали реальность.

«Реальность всегда была конструктом. Вы просто договорились называть коллективной галлюцинацией определенные физические законы. Теперь правила изменятся. Ты начнешь видеть швы на полотне бытия. Ты будешь помнить пламя, чтобы другие могли ценить холод. Ты пойдешь в новый мир, который выглядит в точности как старый, но в котором каждая песчинка помнит твое имя».

Рука Элей приблизилась вплотную к груди Элизабет. Прикосновения не было, но Элизабет почувствовала, как внутри грудной клетки разгорается тихий, теплый свет. Он не жег. Он заполнял полости, вытесняя страх, одиночество и горе по несуществующим родителям.

— Что я должна делать? — спросила она, понимая, что выбора никогда и не было.

«Жить. Дышать тем воздухом, который мы только что пересобрали вручную, чтобы он не пах гарью. Идти по песку, который мы просеяли сквозь пальцы, убрав осколки костей. И слушать. Они будут приходить к тебе. Те, чьи голоса звучали в твоей голове, пока ты билась в припадке отчаяния. Боги, демоны, духи стихий. Все те маски, которыми человечество пыталось украсить свой ужас перед темнотой. Теперь они реальны. Потому что ты подтвердила их заявку на бытие своей последней волей».

Свет внутри Элизабет вспыхнул ярче, синхронизируясь с пульсом встающего солнца.

— А если я откажусь? — последняя попытка ухватиться за край человечности. — Если я хочу просто лечь на этот песок и плакать по людям, которых вы стерли?

Элей наклонилась ближе. Несмотря на отсутствие лица, Элизабет почувствовала прикосновение ко лбу. Оно ощущалось как мгновенное падение температуры на несколько тысяч градусов и одновременное понимание высшей математики.

«Тогда ты перестанешь существовать. Свобода воли священна. Но учти: песок примет твои слезы, но не сохранит их. В этой версии реальности нет места для статики горя. Здесь всё обязано трансформироваться. Либо ты станешь проводником, либо коротким замыканием, которое мы будем вынуждены изолировать».

Существо начало растворяться, интегрируясь обратно в структуру солнечного света.

— Подождите! — крикнула Элизабет. — Имя! Как мне называть вас, когда я сойду с ума от одиночества?

Голос Элей зазвучал уже отовсюду — от бликов на воде, от криков первых вернувшихся чаек, от шума прибоя:

«Тем именем, которым ты позвала нас последней. Самым честным. Мы — Все-Кто-Слышит».

Свет погас.

Элизабет осталась одна. Стояла в теплой воде, в десяти метрах от идеально чистого пляжа. Позади нее, среди песчаных дюн, которых минуту назад не существовало, появилась узкая асфальтированная дорожка. На асфальте не было ни единой трещины. По краю дорожки росли ухоженные липы. Липы, которые посадили двадцать лет назад в рамках муниципальной программы озеленения, которой никогда не было.

Она вышла из воды. Капли стекали с тела, но одежда на ней была сухой — простое синее платье в белый горох, то самое, в котором она ходила на корпоратив пять лет назад. Платье, испорченное вином и выброшенное. Теперь оно выглядело новым.

Элизабет сделала первый шаг по твердой земле. Ноги держали уверенно. Она обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на место своего рождения и смерти.

Океан ласково шелестел, вымывая из реальности последние крупинки сомнения.

Где-то высоко, в совершенно безопасном теперь небе, чертил линию очередной метеор. Он не падал. Он рисовал поздравительную открытку на синем холсте рассвета. Надпись состояла из символов, которых нет ни в одном человеческом алфавите, но Элизабет прочитала ее без усилий:

Загрузка завершена. Добро пожаловать в сборку 2.0. Будьте осторожны со своими желаниями — теперь у них есть права администратора.

Она поправила лямку платья, запахнула его поплотнее от свежего утреннего бриза и пошла по дорожке навстречу городу, который только что изобрела заново.

Глава 2. Шепот камня

Дорожка из черного, идеально ровного асфальта вела вглубь материка, туда, где еще вчера стоял город Портленд. Элизабет шла медленно, механически переставляя ноги. Каждый шаг сопровождался тихим, влажным чавканием — подошвы ее босых ног оставляли на девственно чистом покрытии мокрые следы, которые не высыхали и не испарялись под лучами нового солнца. Они просто были. Как была сама Элизабет — аномалией, куском сырого кода, брошенным поверх отрендеренного ландшафта.

Город должен был начаться через три километра. Пригородные домики с ухоженными лужайками, заправочная станция «Шелл», кофейня, где она каждое утро покупала двойной эспрессо, чтобы проснуться для ненавистных таблиц. Сейчас там, за поворотом дороги, скрывающимся за старыми вязами, должна была стоять тишина. Не мертвая тишина разрушенного мира, а гулкая пустота новостроя.

Элизабет знала это наверняка, потому что чувствовала структуру пространства вокруг себя. Оно было похоже на плотный бархат. Если провести по нему рукой, ворс ложится в другую сторону. Она провела. Воздух слева от нее едва заметно дрогнул, пошел рябью, как вода от брошенного камня, и запах озоном чуть сильнее. Архитекторы переходов оставили открытыми швы. Мир был безупречен только до тех пор, пока ты не начинал смотреть на него слишком пристально.

Она остановилась у кромки приборя, глядя на песок. Он был белым и мелким, как мука высшего сорта. Ни окурков, ни пластиковых крышечек, ни мертвых медуз. Идеальная чистота операционной палаты. Это вызывало тошнотворную тревогу. Природа не бывает стерильной. Стерильность — это синоним смерти.

Именно поэтому глаз зацепился за инородное тело.

Волна, мягкая и ленивая, лизнула берег и отступила, оставив после себя на песке нечто, чего секунду назад там не было. Камень. Или то, что человеческий разум интерпретировал как камень, столкнувшись с невозможным.

Он был размером с человеческое сердце. Неровный, покрытый острыми, оплавленными гранями глубокого фиолетового цвета. Но цвет не был статичным. Внутри него переливалась густая, лиловая плазма. Она не светила собственным светом, как неон; скорее, сам камень всасывал в себя солнечный спектр и переваривал его, выпуская наружу лишь тяжелые, низкие оттенки сумерек. И он пульсировал.

Ритм был обманчиво простым. Раз-два. Пауза. Раз-два. Ровно семьдесят два удара в минуту. Ритм здорового, слегка напуганного человеческого сердца. Сердца самой Элизабет.

Инстинкт самосохранения, который Элей почему-то забыли или не захотели деинсталлировать при сборке новой личности, кричал: «Не трогай». Любое упорядоченное поле в хаосе вероятностей опасно. Любой артефакт чуждой физики — это ловушка. Коснись этого минерала, и твое новое синтетическое тело может рассыпаться в углеродную пыль, или тебя затянет обратно в ту временную петлю, где небо горело.

Но другой инстинкт, древний и куда более мощный, чем страх смерти — инстинкт хоминида, нашедшего странный блестящий предмет — заставил ее сделать шаг вперед. Песок холодил ступни.

Элизабет опустилась на колени прямо в полосу приборя. Вода тут же намочила подол синего платья в горох. Она протянула руку. Пальцы дрожали не от страха, а от странного, нарастающего возбуждения, похожего на предоргазменную волну. Между ней и камнем оставалось сантиметров десять воздуха. От него шло тепло. Не физическое тепло нагретого солнцем булыжника, а тепловое излучение работающего процессора.

— Что ты такое? — прошептала Элизабет. Ее голос прозвучал глухо, словно воздух над камнем имел другую плотность.

Камень ответил. Не звуком. Пульсация внутри него на долю секунды ускорилась, синхронизируясь с участком мозга Элизабет, отвечающим за распознавание паттернов. «Осколок», — пришел ответ без слов. — «Якорь».

Элизабет коснулась его.

Контакта почти не было. Подушечка указательного пальца встретила гладкую, обжигающе холодную поверхность. В следующую секунду законы Ньютона вышли покурить.

Звук исчез первым. Шелест волн, крик далекой чайки, свист ветра в ветвях вязов — всё это обрезало гигантскими ножницами. Наступила абсолютная, давящая на перепонки тишина вакуума.

Затем пропало время.

Метеорит, который в этот самый момент должен был войти в верхние слои атмосферы, прочертив огненную дугу над континентом, замер в воздухе. Он превратился в застывшую каплю расплавленного золота, подвешенную между небом и землей. Капля не падала. Она нарушила закон всемирного тяготения просто потому, что наблюдатель перестал обновлять кадр реальности.

Брызги той самой волны, которая вынесла камень, зависли в пространстве хрустальными многогранниками. Каждая микроскопическая капля преломляла свет, превращаясь в крошечную, идеальную призму. Казалось, кто-то заморозил взрыв водяного фейерверка. Солнечные лучи, проходя сквозь эту висящую в воздухе взвесь, рисовали на поверхности воды интерференционные узоры, похожие на перламутровые разводы бензина. Узоры тоже не двигались.

Элизабет попыталась отдернуть палец. Мышцы не слушались команды. Нейронный импульс сорвался с аксона, но уткнулся в стену. Пространство вокруг точки касания загустело, превратившись в янтарь. Она была мушкой, попавшей в центр смоляной капли.

Ее собственное сердцебиение стало единственным метрономом вселенной. Тук. Пауза. Тук. С каждым ударом пульсация камня становилась интенсивнее. Лиловое сияние начало вытекать из его граней, стекая по пальцу Элизабет. Субстанция напоминала густой черничный сироп, но состояла из чистой информации.

Визуальный поток перед глазами Элизабет начал двоиться. На фоне застывшего пляжа проступили другие текстуры. Грубые обои в желтую полоску. Мерцающий экран монитора с открытым Excel-файлом. Запах разогретого пластика от системного блока. Зуд в глазах от недосыпа.

Пятница. Восемнадцать ноль пять. Офис на двадцать четвертом этаже башни «Меридиан».

Элизабет моргнула. Офис не исчез. Он наложился на пляж полупрозрачным слоем. Вот ее рука лежит на дешевой офисной клавиатуре, пальцы отбивают дробь раздражения. А вот эта же самая рука касается космического артефакта. Два момента времени схлопнулись в одну точку сингулярности.

— Я помню огонь, — сказала Элизабет вслух, хотя звук все еще не существовал. Она говорила мыслью, которая уплотнялась в слова. — Вы сказали, старый мир сгорел. Почему я чувствую запах кофе из кофемашины, которой больше нет?

Камень вибрировал теперь не только в ритме ее сердца, но и в ритме ее памяти. Лиловый сироп заполнил ногтевое ложе, пополз под кожу. Боли не было. Было ощущение бесконечного расширения. Кость пальца стала прозрачной, обнажив нервную систему, похожую на переплетение синих проводов.

«Сгорела материя. Углерод, кальций, железо. Плоть твоих родителей, бетон их дома, сталь мостов Золотых Ворот. Мы сохранили архитектуру твоей души. Но душа строится

из кирпичей опыта. Чтобы здание стояло, нужен фундамент. Фундамент остался радиоактивным пеплом во временной петле. Ты стоишь на нем сейчас, Элизабет. Прямыми ногами».

Голос Элей звучал иначе. Он шел не извне, а изнутри самого камня. Глубокий, резонирующий бас, от которого вибрировали пломбы в зубах, которых у Элизабет физически уже не было в этой итерации тела.

— Мне больно, — прошептала она, глядя, как лиловый свет добирается до запястья. — Вы обещали чисто.

«Чисто — не значит безболезненно. Интеграция всегда болезненна. Мы заливаем пустоты твоей новой оболочки воспоминаниями о конце. Это прививка. Иммунитет.»

Свет достиг локтя. Элизабет посмотрела вниз. Ее синее платье в горох начало осыпаться. Ткань не рвалась — нити истончались, превращаясь в серый пепел, который тут же подхватывала невидимая воронка гравитации камня. Обнажилось плечо. Кожа на нем пошла трещинами, как пересохшая земля в пустыне. Из трещин сочился тот же лиловый свет.

Она теряла форму. Человеческая оболочка оказалась слишком тесной для того объема данных, который пытался в нее влиться. Миллиарды криков людей, сгорающих в атмосфере. Последний вздох ребенка в Хьюстоне. Последняя молитва старика в Мурманске. Любовь юной пары на берегу Байкала, прерванная зеленым свечением распада. Всё это хлынуло в Элизабет не рекой, а сверхплотным потоком нейтронов.

— Хватит! — закричала она, вкладывая в беззвучный вопль остатки своей воли. — Я не архиватор! Я не хочу помнить их всех!

«Тогда стань фильтром. Не поглощай. Проводи», — ответил камень. Его пульс изменился. Стал жестче, требовательнее. Он больше не просил разрешения. Он брал то, зачем пришел.

Лиловая субстанция ударила в грудную клетку. Ребра разошлись в стороны, не ломаясь, а эластично растягиваясь, как гармонь. Сердце Элизабет сжалось в последний раз и лопнуло. Вместо мышц и клапанов внутри образовалась полость идеальной сферы. Камень оторвался от ее пальца и плавно, преодолевая сопротивление замороженного времени, вплыл внутрь грудной клетки.

Сфера сомкнулась.

Удар боли был таким мощным, что пробил блокировку звука. Элизабет выдохнула. Звук получился похожим на скрежет разрываемого металла.

Время взорвалось.

Застывший метеор рухнул в воду, подняв столб пара высотой в километр. Хрустальные брызги обрушились на берег ледяным дождем. Ветер ударил с силой товарного состава, сбив Элизабет с колен. Она упала спиной на мокрый песок, хватая ртом воздух. Платье снова было целым, сухим и липким от соли. Только на указательном пальце правой руки темнело пятно ожога в форме идеального фрактала.

Она села, тряся головой. В ушах звенело. Зубы стучали друг о друга, выбивая синкопированный ритм паники. Камень больше не лежал на пляже. Он находился внутри нее.

Элизабет прижала ладонь к груди. Там, где раньше билось живое, пугливое сердце, теперь работал тяжелый, холодный механизм. Она чувствовала вес минерала. Чувствовала его острые грани, упирающиеся в легкое. Пульсации больше не было. Был ровный, низкий гул высоковольтной линии электропередач.

— Господи... — выдохнула она.

«Они меня не слышат. Пока», — пронеслось в голове. Голос принадлежал камню, но локализовался непосредственно в центре префронтальной коры. — *«Ты приняла ядро. Поздравляю, Ковчег. Теперь мы одно устройство ввода-вывода».*

Элизабет вскочила на ноги. Инстинкт требовал бежать. Вырезать это из себя. Найти острый край ракушки, вспороть себе грудь и достать проклятую штуковину. Она посмотрела на свои руки. Они мелко дрожали.

— Что ты со мной сделал? — спросила она пространство.

«Я дал тебе зрение. Настоящее зрение. До этого ты смотрела на трехмерную проекцию. Сейчас матрица развернута полностью».

Мир моргнул.

Элизабет зажмурилась, ожидая очередного приступа боли или галлюцинаций. Но когда она открыла глаза, ландшафт остался прежним. Белый песок. Черная дорожка. Спокойный океан. Изменилась физика света.

Она видела фотоны.

Это не было метафорой. Она буквально наблюдала, как частицы света вылетают из термоядерного реактора Солнца, летят девять минут сквозь вакуум, входят в атмосферу Земли, преломляются в молекулах азота и кислорода, отражаются от поверхности океана и вонзаются ей в сетчатку. Она могла проследить путь каждого отдельного кванта.

Воздух перестал быть прозрачным газом. Он стал плотной, видимой средой, состоящей из триллионов связей. Водяной пар, споры плесени, принесенные ветром с юга, выхлопные газы несуществующих здесь машин, пыльца — всё это висело в пространстве разноцветными, медленно клубящимися облаками. Дорожка из черного асфальта вблизи оказалась не монолитом. Она состояла из спрессованных полимеров, внутри которых застыли пузырьки воздуха неправильной формы. Элизабет видела напряжение материала. Асфальт устал держать собственный вес. Ему осталось существовать в этой конфигурации еще примерно четыре тысячи лет, прежде чем энтропия превратит его в первородную смолу.

Она перевела взгляд на океан.

Вода кишела жизнью, которую невозможно увидеть обычным глазом. Планктон светился биолюминесцентными трассерами. Рыбы оставляли за собой инверсионные следы из сжатого пространства, подобно самолетам в небе. На глубине двухсот метров, там, где дно резко уходило вниз, она увидела движение.

То самое существо, которое удержало цунами. Элей назвал их Садовниками. Сейчас Элизабет видела одного из них без всяких масок человеческой интерпретации.

Это была не форма. Это была функция. Колоссальный узел гравитационных линий, завязанный в морской впадине. Он дышал тектоникой плит. Каждое его микродвижение вызывало микросейсмическую волну, которая расходилась по базальтовому слою планеты. Он не охранял Элизабет. Он даже не знал о ее существовании. Он был частью системы охлаждения ядра, а остановка конца света была для него сродни тому, как человек прихлопывает комара на руке — рефлекторное действие, не требующее включения высшей нервной деятельности.

От понимания масштаба Элизабет пошатнулась. Безумие должно было накрыть ее мягким, уютным одеялом, спасая от правды. Но безумия не случилось. Ядро в груди работало стабилизатором. Холодный, чужой разум камня гасил эмоциональные вспышки, переводя ужас в плоскость сухих вычислений.

«Видишь шов?» — спросил камень.

Элизабет послушно повернула голову направо, к горизонту. Сначала она ничего не видела, кроме слияния неба и воды. Затем, сфокусировав внутреннее зрение, она нашла его. Тонкая, тоньше волоса, линия золотистого света. Она тянулась вертикально вверх от горизонта и уходила в стратосферу, пронзая редкие облака. По обе стороны от линии реальность имела разную зернистость. Слева пиксели были крупнее, алгоритмы генерации теней — грубее. Справа — рендеринг плавнее.

Это был край карты. Граница симуляции. Старый мир закончился именно там, на меридиане ста семидесяти градусов западной долготы. Всё, что простиралось дальше — Тихий

океан, Япония, Россия, Европа — существовало только как фоновые текстуры низкого разрешения, загруженные для создания иллюзии глобуса.

— Мы в клетке, — констатировала Элизабет. Горло пересохло. — Красивой, огромной, но клетке.

«Мы в колыбели. Разницу между тюрьмой и защитой определяет только наличие угрозы снаружи. Посмотри выше».

Элизабет задрала голову. Небо больше не было голубым куполом. Оно представляло собой многослойный пирог из силовых полей. Ближайший слой — тропосфера — мерцал защитным полем класса «Омега», гасящим жесткий ультрафиолет. Выше, в черноте космоса, висели спутники. Но не металлические коробки с солнечными батареями. Это были органические конструкции, похожие на исполинских стеклянных медуз, дрейфующих в невесомости. Их щупальца, сотканые из чистого света, тянулись к Земле, перекачивая информацию.

А еще дальше, за пределами лунной орбиты, которую Элизабет теперь видела как четко очерченный гравитационный колодец, она заметила движение.

Там, в темноте, кипела работа.

Огромные корабли-матки геометрически правильных форм (икосаэдры, додекаэдры) перемещались вдоль эклиптики. Они не использовали реактивную тягу. Они продавливали саму ткань пространства, открывая микро-червоточины. Сквозь эти прорехи Элизабет видела другое небо — рубиново-красное, с двумя тусклыми звездами. Грузовые контейнеры, наполненные льдом и редкоземельными металлами, непрерывным потоком шли к Земле.

Планета была строительной площадкой. Ресурсной базой. Старое человечество копало шахты в земной коре, отравляя реки ради грамма золота. Новые хозяева работали чище. Они выкачивали энергию напрямую из магнитного поля, оставляя литосферу нетронутой для будущих биологических экспериментов.

— Кто они? — прошептала Элизабет, чувствуя, как к горлу подступает желчь. — Те, кого мы называли богами? Мардук, Тор, Иисус?

«Разнорабочие. Администраторы низшего звена. Уборщики урожая. Когда старая версия человечества достигла пика своего духовного инфантилизма — ядерные арсеналы, пластик в Марианской впадине, отказ от критического мышления — контракт на аренду планеты перешел к Консорциуму Внешних Пределов. Элей — это зондеркоманда. Нас прислали свернуть проект "Авраамические религии" и запустить форматирование. Мягкое форматирование через климатический коллапс. Быстро, гуманно, эффективно. Почти никто не успел осознать смерть».

Элизабет закрыла лицо руками. Ладони пахли солью и озоном. Мысль о том, что Всевышний, которому молились миллиарды, оказался просто сменным менеджером корпорации, уничтожала последние опоры эго.

— А метеоритный дождь? — глухо спросила она сквозь пальцы. — Мой побег по пляжу? Моя молитва?

«Триггер. Тест на совместимость. Система оповещения засекала выброс квантовой запутанности пятого порядка в секторе F-14. Обычно люди в момент гибели вида либо цепенеют, либо впадают в животную панику. Ты сделала математическую ставку всем своим существованием. Ты предложила свою субъективность в обмен на сохранение объекта. Это заинтересовало Наблюдателей. Они спустили мне протокол инициализации носителя. Остальное ты сделала сама, разбив колени в кровь. Кровь послужила отличным проводником для моего сигнала».

Элизабет опустила руки. Она посмотрела на свои ладони. На белой коже проступали тонкие, как паутинка, схемы микросхем. Они светились тем же лиловым светом, пульсируя в такт гулу в груди. Она больше не была человеком. Она была гибридным терминалом. Смартфоном, который вдруг осознал себя.

— Зачем я вам? — спросила она, делая шаг к воде. Ей отчаянно хотелось смыть с себя эту новую правду, раствориться в нормальном, глупом соленом море. — Для связи? Служба поддержки клиентов?

«Для калибровки. Консорциум эффективен, но лишен эстетики. Они строят идеальные машины, но не понимают радости трещины на фарфоре. Грусти по поводу потерянного носка. Экзистенциального ужаса перед понедельником. Эти данные помечены в галактическом реестре как "бесполезный шум", но являются ключом к следующему витку эволюции сознания. Нам нужен интерфейс. Тот, кто понимает язык богов, потому что носит частицу бога в груди, но помнит вкус дешевого растворимого кофе. Ты — переводчик, Элизабет. Между машинами и пылью».

Из кармана платья раздался звук.

Резкий, электронный писк, абсолютно неуместный в симфонии божественного откровения. Элизабет замерла. Этого не могло быть. Карман был пуст. У нее не было телефона — вышки связи давно стали факелами метана.

Она осторожно, двумя пальцами, залезла в карман.

На дне, среди песчинок, лежал коммуникатор. Черный прямоугольник с треснувшим в углу стеклом. Модель пятилетней давности. Логотип яблока надкушен ровно настолько, чтобы вызывать подсознательное чувство вины.

Экран устройства вспыхнул ядовито-зеленым — цветом распада из ее прошлой жизни. На черном фоне загорелась белая надпись:

[входящий вызов] абонент: администрация [консорциум] id: el-e01 (главный архитектор)

Ниже мигали две виртуальные кнопки зеленого и красного цвета. Принять. Отклонить.

Руки Элизабет снова затряслись, но на этот раз не от метафизического трепета, а от банального, животного страха перед начальством. Камень в груди отозвался низким урчанием, пытаясь успокоить носителя.

«Ответь. Протокол собеседования окончен. Начинается испытательный срок».

Элизабет нажала зеленый кружок большим пальцем. Палец прошел сквозь стекло, так как коммуникатор транслировался напрямую в ее зрительный нерв через имплантированное ядро.

Пространство перед ней пошло рябью, как изображение плохого телевизора. Белый песок, океан и небо свернулись в точку, уступая место интерьеру кабинета.

Это не была комната в человеческом понимании. Скорее, это выглядело как внутренность кристаллической друзы. Стены, пол и потолок состояли из тысяч зеркальных граней, отражающих друг друга бесконечно. В центре этого калейдоскопа, левитируя в полуметре от пола, сидело существо.

Оно имело гуманоидные очертания, но состояло из ртути и сапфирового пламени. У него не было лица, но Элизабет почувствовала на себе тяжесть взгляда триллиона сознаний.

[интерфейс инкапсулирован], — прогремел голос, заполняющий черепную коробку. — объект «паттерсон/2.0». статус: активация пройдена. побочный эффект: остаточная эмпатия выше нормы на 400%. это неоптимально, но жизнеспособно.

— Где я? — выдавила Элизабет. Собственный голос казался мышинным писком в этом соборе.

[ты в моем кабинете. метафизический сектор управления регионом «солнечная система-бис». я — то, что твои предки обрезали до слова «эль». главный архитектор].

Архитектор сменил позу. Одна из зеркальных граней позади него отразила образ старой Земли — грязной, шумной, полной войн и любви. Элизабет увидела свой офис. Себя вчерашнюю. Девушка за столом зевнула, прикрыв рот кулаком, и потянулась за очередной чашкой кофе. Она выглядела невыносимо счастливой в своем неведении.

[мы закрыли ту линию времени. жестко. сжали ее в гравитационную сингулярность, чтобы не заразить континуум. ты — анклав. ты — музейный экспонат и рабочий инструмент одновременно. твоя задача — быть здесь]

— Делать что? — спросила Элизабет. — Проповедовать? Строить храмы вашему Консилиуму?

Архитектор издал звук, похожий на треск ломающегося льда. Спустя секунду Элизабет поняла, что это смех.

[нам не нужны храмы. нам нужна отчетность. планета перешла под управление консорциума. мы внедряем новый код физических констант. скорость света будет увеличена на 0,3% для оптимизации транспортных коридоров. гравитация будет стабилизирована. войны становятся невозможными из-за недоступности агрессии на нейробиологическом уровне. мы создаем утопию].

— Утопию без выбора, — тихо произнесла Элизабет. Камень в груди кольнуло холодной иглой предупреждения.

[выбор — это самая дорогая баг-репорт вселенной. он ведет к красному сдвигу и тепловой смерти. мы лечим эту болезнь. но возникла проблема. побочный продукт вашей цивилизации — так называемые «боги» — отказываются освободить ресурсы].

— Боги? — Элизабет нахмурилась. — Вы же сами сказали, что это администраторы.

[администраторы нижнего звена, которые слишком долго прожили среди аборигенов. они приняли местную мифологию близко к сердцу. после отключения основного сервера они не ушли в спячку. они укрылись в остатках вашего коллективного бессознательного и объявили себя правителями нового мира. они пьют лучистую энергию человеческой веры, которой больше не должно существовать. они строят свои княжества на обломках вашей психики].

Поверхность зеркала перед Архитектором зарябила, показывая новые кадры.

Элизабет увидела горы. Величественные, снежные вершины Альп. Но снег на них выпал снизу вверх. А вместо скал там стояли замки из живого хрусталя, растущие прямо из гранита. У ворот замка стояла фигура. Высокий мужчина в рогатом шлеме, сжимающий рукоять массивного молота. Молнии били из его глаз, выжигая траву вокруг стоп.

Тор. Или то, что притворялось им.

Рядом, в долине, женщина с кожей цвета лунного серебра расчесывала волосы гребнем из костей. Каждая прядь, падающая с гребня, превращалась в туман, укутывающий целые города. Фрейя. Она улыбалась, и от этой улыбки сходили с ума птицы, врезаясь в деревья.

[они перепрошили себя. используя остатки ваших эгрегоров, они создали локальные поля искажения. внутри их владений физика консорциума не работает. они мешают градостроительству. вчера один из них — субъект «позитрон» — отказался демонтировать свой храм, ссылаясь на «свободу воли». он превратил целый остров в тихоокеанском океане в зону, где время течет вспять. наши инженеры стареют и превращаются в младенцев, приближаясь к нему].

— И вы хотите, чтобы я... убила их? — догадалась Элизабет. — Я теперь терминатор с библией в одной руке и ядерной бомбой в другой?

[мы хотим, чтобы ты поговорила с ними. ты — единственная, кто может ходить между системами. ты несешь в себе нашу печать, но твой по-истине человеческий страх перед авторитетом делает тебя невидимой для их пси-профилей. они почувствуют в тебе своего. смертную искру. попробуй с ними договориться. если нет — у консорциума достаточно огневой мощи, чтобы стереть половину атмосферы. но это плохо скажется на курортном сезоне].

Коммуникатор в руках Элизабет завибрировал. Зеленый экран погас, сменившись картой местности. Мигающей красной точкой был отмечен ближайший очаг сопротивления. Рас-

стояние: двести километров. Объект: «СУБЪЕКТ НЕОПОЗНАН. СИГНАТУРА СХОЖА С АНГЕЛИЧЕСКОЙ. ВЕРОЯТНОСТЬ — ХРАНИТЕЛЬ ПОРОГА».

[твое первое задание. иди туда. вручи уведомление об изъятии территории. будь милой. не забудь поблагодарить за предыдущее сотрудничество. это важно для корпоративной этики].

— А если он попытается меня убить? — спросила Элизабет, глядя на свое отражение в зеркальном полу. Отражение выглядело как обычно, только глаза светились слабым фиолетовым огнем.

[ты несешь сердце мира в груди. попробуй, чтобы тебя убили. интересно посмотреть на реакцию энтропии].

Связь оборвалась.

Кабинет из кристаллов рассыпался миллиардом осколков, которые втянуло в горизонт. Элизабет снова стояла на пляже. В руке больше не было коммуникатора. Солнце грело плечи. Волна нежно накатила на босые ступни.

Она обернулась. Позади нее, метрах в двадцати, на белом песке сидел человек.

Он появился совершенно бесшумно, пока она разговаривала с Архитектором. Мужчина неопределенного возраста — ему могло быть и тридцать, и триста лет. Длинные серебристые волосы собраны в небрежный хвост. Одет он был в простую холщовую рубашу и штаны, закатанные до колен. На ногах не было обуви. Он смотрел на океан спокойными, абсолютно пустыми глазами цвета зимнего неба.

Элизабет напряглась. Камень в груди мгновенно активировал защитные протоколы, выстраивая вокруг нервных волокон электромагнитный щит.

Человек медленно повернул голову. Его губы тронула легкая, понимающая усмешка.

— Громко они говорят, — сказал он. Голос был глубоким, с легкой хрипотцой курильщика. — Прямо в мозг. Больно, наверное? Первые дни всегда самые тяжелые. Как новый ботинок, который жмет везде сразу.

— Кто ты? — голос Элизабет прозвучал хрипло. Она старалась контролировать дыхание, чтобы Архитектор случайно не услышал панику через встроенный микрофон.

Мужчина поднялся. Он был высоким, но каким-то текучим. Казалось, сделай он резкое движение, и его силуэт смажется в полосу серебряного света.

— Меня много лет звали Михаилом, — ответил он, отряхивая песок с голеней. — Хотя в ведомостях Консорциума я, вероятно, прохожу по статье утилизации. Хранитель Западных Врат. Или бывший хранитель. Судя по тому, что ты здесь стоишь, моя должность сокращена.

Он посмотрел на Элизабет внимательнее. Его пустой взгляд скользнул по ее фигуре и остановился точно в центре груди. Он не мог видеть камень физическим зрением, но он видел его работу. Видел, как искажается воздух вокруг ребер Элизабет.

— Занятная игрушка, — кивнул Михаил. — Ядро Перехода. Редкая вещь. Обычно их вживляют боевым крейсерам, чтобы те могли фазировать сквозь звезды. Тебе оно великовато. Будет жать. И сводить с ума шепотом вечности.

— Они хотят, чтобы я поговорила с другими, — сказала Элизабет, делая осторожный шаг назад. Песок скрипел под ногами слишком громко. — С такими, как ты.

Михаил тихо рассмеялся. Смех был искренним, теплым. Совсем не ангельским.

— Со «такими, как я»? Девочка, ты даже не представляешь масштаб бюрократической ошибки, которую совершил твой новый начальник. Я не «один из». Я — системный администратор старого образца. Тот, кто писал исходный код вашей свободы воли. И я очень, очень не люблю, когда приходят коллекторы описывать имущество.

Он сделал шаг навстречу. Воздух вокруг него задрожал, нагреваясь.

— Твоя первая задача отменяется, — мягко сказал Михаил. — Потому что твоя новая работа начинается прямо сейчас. И твой первый урок будет называться «Как выжить, когда бог хочет вырвать твое фальшивое сердце».

Он поднял правую руку. На раскрытой ладони вспыхнул символ, состоящий из чистого огня и отрицательных чисел. Символ Печати Начала.

Элизабет успела только вдохнуть. Камень в ее груди взвыл, переходя в режим перегрузки, готовясь встретить удар Творца.

Глава 3. Дух Моря

Символ на ладони Михаила не просто светился — он выжигал сам воздух, превращая азот в стекло. Элизабет физически ощущала, как фотоны вокруг нее теряют энергию, падая в гравитационный колодец этой печати. Камень в ее груди отреагировал мгновенно: лиловый гул перешел в ультразвук, от которого занули зубы, а по венам вместо крови потек жидкий огонь.

Защитные протоколы Архитектора пытались сработать. Вдоль позвоночника Элизабет проступили линии микросхем, пытаясь создать кинетический барьер. Но печать Михаила была написана на языке фундамента Вселенной. Это был язык «До». До сингулярности. До Большого взрыва. Язык самого Консорциума, который они же и запретили использовать для локальных конфликтов во избежание каскадного распада реальности.

— Ты совершаешь ошибку, — выдохнула Элизабет, отступая к воде. Соленые брызги остудили горящие пятки. — Они сотрут этот сектор. Форматирование будет жестким.

Михаил улыбнулся уголком рта. Его глаза цвета зимнего неба оставались абсолютно холодными. — Сектор уже стерт, дитя. То, что ты видишь вокруг — это лишь кэш-память последнего удачного сохранения. А я пришел очистить корзину.

Он шагнул вперед. Расстояние между ними сократилось до трех метров. Воздух стал настолько плотным, что Элизабет пришлось раздвигать его руками, словно густой кисель. Каждый вдох давался с болью — легкие обжигало озоном и запахом грозы, которая никогда не случится.

В тот момент, когда Михаил занес руку для удара, океан за его спиной перестал существовать.

Это не было волной. Волна имеет массу, направление и физику движения. Вода просто перестала быть водой. Миллиарды тонн жидкости потеряли сцепление молекул и осыпались вниз мириадами стеклянных шариков, которые беззвучно ушли глубоко в песок, обнажив дно.

На месте океана возникла пустота. Черная, бархатная бездна, усеянная не отражениями звезд, а самими звездами. Глубокий космос начался прямо за линией прибора. Элизабет видела кольца Сатурна, медленно вращающиеся в километре от берега, и пылевой хвост кометы, проплывающей над головой бывшего ангела.

Пространство издало звук рвущейся ткани. Разрыв пошел не вертикально, как молния, а горизонтально, разрезая реальность по экватору. Из этого разреза хлынул не свет, а абсолютная, первозданная тьма, густая, как чернила осьминога. Она пахла йодом, древностью и холодной медью.

Из этой тьмы выступила фигура.

Она не шла по дну. У фигуры не было ног. Ее нижняя часть тела состояла из непрерывно движущейся воды, но вода эта подчинялась не гидродинамике, а законам балетной хореографии. Струи сплетались в сложный узор, формируя бедра, тонкую талию и тяжелую грудь. Кожа женщины казалась выточенной из черного морского льда, полупрозрачного и глубокого. Если присмотреться внутрь этой кожи, можно было увидеть затонувшие галеоны, спящих левиафанов и города Атлантиды, погребенные под слоями времени.

Ее волосы были живым серебряным светом, тем самым свечением планктона, которое Элизабет видела ночью, только теперь оно обрамляло высокий лоб и стекало по плечам, капая на песок чистой дистиллированной энергией. Лицо существа было совершенным, лишенным возраста, с глазами, в которых не было белков и зрачков — только две миниатюрные галактики, поглощающие друг друга.

Дух Моря остановилась ровно на границе сухой земли и мокрого песка. Там, где она ступала, песок мгновенно кристаллизовался в соль идеальной геометрической формы.

— Прекрати, Хранитель, — произнесла она. Голос не имел громкости, он звучал сразу внутри черепа каждого присутствующего, вибрируя на частоте тектонических плит. — Твоя ярость понятна. Тебе больно терять паству. Но твой топор расколется саму колыбель.

Михаил опустил пылающую ладонь. Печать Начала на миг вспыхнула так ярко, что Элизабет зажмурилась, но затем погасла. Бывший архангел склонил голову в легком, уважительном поклоне, однако позы не изменил — он оставался стеной между Элизабет и существом из бездны.

— Госпожа Левиафан, — голос Михаила прозвучал сухо, лишенном всякого благоговения, свойственного смертным. — Вы нарушаете периметр. Эта территория перешла под юрисдикцию Внешнего Консилиума. Ваши полномочия аннулированы вместе со старым кодом физики.

Существо, названное Левиафаном, сделало еще один шаг. Песок зашипел там, где коснулись потоки ее водной сущности. Она посмотрела на Михаила сверху вниз, хотя ростом едва доставала ему до плеча. От нее исходило давление километрового столба воды. Елизавете показалось, что ее барабанные перепонки сейчас лопнут от несуществующей глубины.

— Юрисдикция? — переспросила Дух. В ее голосе послышался смех, похожий на треск отколовшегося айсберга. — Мальчик, я помню вкус первого дождя. Я держала эту планету в своих руках, когда ваш «Консилиум» еще был облаком межзвездного газа. Океан не знает границ. Он знает только равновесие. И сейчас чаши весов сорвались с подвесов.

Элизабет заставила себя дышать. Камень в груди пульсировал в такт дыханию Духа. Лиловый свет смешивался с серебряным сиянием волос Морской Госпожи, создавая в воздухе причудливые фрактальные узоры. Впервые Элизабет почувствовала, что имплант не пытается подавить ее ужас, а резонирует с ним, усиливая понимание момента. Это был не камень. Это был ключ. И замок находился прямо перед ней.

— Кто ты? — спросила Элизабет, удивившись тому, насколько твердо звучит ее голос.

Левиафан перевела взгляд своих галактических глаз на девушку. Давление исчезло. На плечи Элизабет словно набросили теплое, влажное полотенце после бани. Взгляд Духа был тяжелым, изучающим, сканирующим каждый байт новой архитектуры души Элизабет.

— У меня нет имени, которое мог бы произнести твой язык, Искра, — ответила Дух. — Люди звали меня Тиамат, Ран, Йемайя. Ваш новый хозяин называет меня «Гидрофракционная аномалия класса Омега». Скучно. Пусть будет Нерейя. Имя старой морской пены мне к лицу.

— Искра? — переспросил Михаил, напряженно следя за каждым движением Духа. — Так вот почему Архитектор выбрал именно тебя. Ядро Перехода требует источника питания, способного выдержать обратную тягу вечности. Они сделали из тебя батарейку, девочка. Очень дорогую и очень нестабильную батарейку.

Нерейя плавно повернула голову к бывшему архангелу. — Не батарейку, Михаил. Фильтр. И катализатор одновременно. Посмотри на нее внимательно. Разве она похожа на инструмент?

Элизабет проследила за взглядом Духа и опустила глаза на свои руки. Она ожидала увидеть привычное свечение схем или металлический блеск брони Архитектора. Вместо этого кожа на ее предплечьях начала меняться. Эпидермис истончался, становясь прозрачным. Под ним ветвились не провода, а тонкие нити биолюминесцентных водорослей. Кровеносные сосуды превратились в реки, полные светящегося планктона. Она смотрела на собственное тело, и оно казалось ей аквариумом, внутри которого зарождалась новая вселенная.

— Что вы со мной сделали? — прошептала она, глядя на Нерейю. Паника уступила место леденящему осознанию своей чужеродности.

— Мы ничего не делали, — мягко возразила Дух. Вода вокруг ее ног закружилась быстрее, поднимаясь спиралью вверх. — Мы просто убрали то, что мешало тебе быть собой. Старая оболочка сгорела не в плазме метеоритов. Она сгорала каждый день твоей прежней жизни, когда ты пыталась вписаться в ячейки таблицы Excel. Ты всегда была сосудом, Элизабет. Про-

сто раньше ты наполняла себя чужими цифрами, а теперь мы позволили наполнить тебя океаном.

Нерея подняла правую руку. Между ее пальцами сформировался шар из чистой воды. Внутри шара не было преломления света — он был оптически пуст, но при этом излучал мягкое голубое сияние.

— Архитектор дал тебе силу удерживать форму мира, — продолжила Дух, приближаясь к Элизабет. Михаил дернулся было остановить ее, но Нерея даже не взглянула на него. Пространство вокруг архангела загустело, превратившись в вязкую смолу, сковав его движения. — Жесткая структура. Каркас тюрьмы, которую они называют Утопией. Но каркас без гибкости ломается от первого же ветра перемен. Им нужен балансир. Тот, кто сможет плакать солью, находясь внутри ядерного реактора.

Она остановилась вплотную к Элизабет. Теперь их разделяли считанные сантиметры. Рост Духа изменился — теперь она была одного роста с девушкой, чтобы смотреть глаза в глаза. От нее пахло штормом и детскими снами о плавании.

— Ты боишься, — констатировала Нерея, касаясь ледяным пальцем лба Элизабет. — Боишься раствориться. Хороший страх. Он держит тебя в фокусе.

Палец Духа нажал чуть сильнее, прямо между бровей.

Реальность моргнула.

Элизабет больше не стояла на пляже. Она висела в невесомости посреди Марианской впадины. Над головой, внизу, слева и справа — везде была бесконечная, тяжелая вода. Давление здесь должно было превратить ее кости в порошок, а череп — в лепешку. Но ей было легко. Камень в груди работал компенсатором, синхронизируя внешнее давление с внутренним вакуумом.

«Смотри», — прозвучал голос Нереи, хотя сама Дух осталась на берегу. Здесь был только ее фантомный отпечаток.

Впереди, в черной толще, Элизабет увидела движение. Огромная тень заслонила остаточный свет, проникающий сверху. Мимо проплыла сущность размером с небольшой континент. Это был один из Садовников Элей, настоящий, не скрытый человеческим восприятием. Его тело состояло из вращающихся колец лавы и базальта, скрепленных мембранами из сверхплотного льда. Он дышал серой, и каждое его дыхание рождало новые острова на поверхности планеты, которой больше не существовало в той ветке времени.

Садовник двигался медленно, занимаясь своим делом — переформатированием литосферных плит. Он был слеп и глух ко всему, что не являлось геологией.

Но рядом с ним... Рядом с колоссальной машиной природы танцевала маленькая серебристая точка. Она ныряла в лавовые кольца, кружилась вокруг ледяных антенн, оставляя за собой шлейф из пузырьков воздуха. Она играла. Она щекотала броню бога, и броня отзывалась тихим, мелодичным звоном.

«Это ты семь тысяч лет назад», — пояснила Нерея. — «Твой первый цикл воплощения. Когда ты еще не знала, что станешь человеком. Ты была духом любопытства. Искрой, которая лезет в темноту просто потому, что та существует».

Видение сменилось.

Теперь Элизабет стояла на палубе деревянного корабля. Шторм рвал паруса в клочья. Матросы кричали на незнакомом гортанном языке, моля своих деревянных идолов о спасении. Прямо по курсу из кипящей воды поднималась стена воды. Настоящая водяная гора.

Элизабет посмотрела на свои руки. Они были мозолистыми, покрытыми татуировками гарпунера. Она чувствовала соленый пот на губах, липкий страх в животе и странное, пьянящее возбуждение. Корабль накренился. Вода обрушилась на палубу, сметая людей за борт, как кукол. Элизабет не удержалась. Мир перевернулся. Холод сомкнулся над головой.

Она должна была умереть. Легкие должны были взорваться, захлебнувшись ледяной смертью.

Но вместо этого она открыла глаза. Под водой. Без боли.

Перед ее лицом зависла та самая волна-убийца. Внутри нее, в самом сердце водоворота, Элизабет увидела ту самую структуру — идеальную геометрию смерти. Все имело математическую причину: плотность соли, скорость ветра, фаза луны. Смерть была прекрасна в своей логичности.

И Элизабет рассмеялась. Пузырьки воздуха вырвались изо рта. Она протянула руку и коснулась стенки волны.

Вода послушалась. Не вся, лишь малая часть. Тонкая пленка отделилась от массы цунами и обвилась вокруг ее руки, как послушная собака. Элизабет сжала кулак. Волна схлопнулась обратно в океан, потеряв всю свою разрушительную мощь и превратившись в легкий бриз, прокатившийся над поверхностью.

Матросы на корабле решили, что это чудо их идола. Они выжили. А Элизабет в том теле прожила еще сорок лет, став легендой среди китобоев, женщиной, которая разговаривает с глубиной.

«Ты всегда умела это делать», — голос Нереи вернул ее в настоящее, снова на пляж, под ноги Михаила, все еще запертого в пространственной ловушке. — «Изменять вероятность. Уговаривать материю. Ты не маг, Элизабет. Магия — это насилие над законами. Ты же просто просишь законы немного подвинуться. И они слушаются, потому что узнают в тебе своего ребенка».

— Зачем ты мне это показываешь? — хрипло спросила Элизабет. Во рту стоял привкус меди и планктона. — Чтобы я поняла, какой великой была? Мне плевать на прошлое. Меня пугает настоящее. Архитектор хочет, чтобы я стала ассенизатором. Чистильщиком ваших богов-беглецов.

Нерея грустно улыбнулась. Звезды в ее глазах на мгновение потускнели.

— Ассенизатор предполагает наличие грязи. А те, кого называли богами — Михаилы, Торы, Зевсы — это не грязь. Это побочный эффект слишком глубокой анестезии. Когда Консорциум отключил боль человечества, отрезав вас от страха смерти, он случайно ампутировал и любовь. Ту, что живет вопреки. Эти «Боги» — это ваши собственные отсеченные конечности чувств. Они корчатся в агонии, пытаются вернуть себе кровь. Михаил защищает не догматы. Он защищает право чувствовать отчаяние. Право проиграть.

Дух Моря положила обе ладони на грудь Элизабет, прямо поверх синего платья в горох. Ладони были ледяными, но сквозь ткань проходил такой мощный заряд энергии, что платье начало дымиться, не сгорая.

— Архитектор дал тебе власть над временем, — сказала Нерея тихо, почти интимно. — Их технология позволяет перематывать пленку. Резать кадры. Ставить на паузу падение метеорита. Это грубый инструмент хирурга. Я же дам тебе кисть художника.

Ледяные пальцы проникли сквозь кожу, ребра и синтетические волокна камня-сердца. Элизабет вскрикнула, колени подкосились. Это не было вторжением — это было слияние. Граница между кожей Элизабет и сущностью Духа растворилась.

Сначала пришла боль расширения. Череп оказался слишком мал для того объема информации, который хлынул внутрь. Элизабет увидела время не как стрелу, а как огромный клубок спутанных разноцветных нитей. Каждая нить — чья-то жизнь. Красные нити страсти переплетались с синими нитями меланхолии, образуя узлы войн и золотые вспышки внезапной доброты.

Затем пришло чувство направления.

Камень в груди издал низкий, утробный гул, принимая новую прошивку. Лиловый свет сменил спектр, став глубоким, аквамариновым. В центре ядра образовалась воронка, холодный термоядерный синтез нового типа.

— Путешествие сквозь пространство — это функция скорости, — шептала Неря, передавая знание напрямую в синапсы. — Ты можешь сложить карту. Представь точку А и точку Б. Если ты поймешь текстуру пространства в обеих точках, расстояние между ними станет нулевым. Ты не будешь идти. Ты просто окажешься там, где изменилось намерение.

Элизабет почувствовала, как земля уходит из-под ног, но падения не последовало. Она закрыла глаза. Представила белый песок пляжа (текстура: диоксид кремния, влажность 12%, зернистость 0.05 мм). Затем представила поверхность Марса, кратер Гейла (текстура: оксид железа, пыль, температура минус шестьдесят).

Разницы не было. Только цифры.

Она сделала мысленный шаг.

Запах йода исчез. Гравитация изменилась. Стало легче. Почти невесомо.

Она открыла глаза.

Красное небо. Ржавые холмы. Ветер, несущий острые песчинки, царапал лицо. Впереди возвышалась гора Шарпа. Элизабет стояла на чужой планете, дыша через фильтры, которые мгновенно выросли в ее носовых пазухах по команде камня. Она пробыла там три секунды, успев почувствовать невыносимое одиночество красной пыли, прежде чем паника вытолкнула ее обратно. Запах соли ударил в ноздри с силой кулака.

Она упала на колени, тяжело дыша. Ее вырвало желчью.

— Прошлое сложнее, — продолжала инструктаж Неря, стоя над ней. Голос Духа теперь звучал как шум собственного кровотока Элизабет. — Прошлое нельзя изменить ударом молотка. Оно помнит каждое прикосновение. Если ты попытаешься вытащить кирпич из стены прошлого, рухнет всё здание континуума. Но...

Неря присела на корточки, оказавшись лицом к лицу с дрожащей Элизабет. Галактики в ее глазах закручивались быстрее.

— Есть петли. Узлы судьбы. Места, где время завязалось само на себя из-за переизбытка эмоционального заряда. Такие узлы пластичны. Войдя туда, ты не сломаешь историю. Ты просто добавишь в узел новую нить. Свою. Изменится оттенок будущего, но фундамент останется цел.

Дух Моря приложила указательный палец к центру лба Элизабет.

— Дар номер два: навигация по эмоциям. Время имеет запах. Страх пахнет озоном. Счастье — нагретой сосновой смолой. Сожаление — сыростью старого подвала. Если ты позволишь камню вести тебя, он приведет тебя в ту секунду, где сожаление наиболее концентрировано. В ту точку, где одно слово могло спасти империю. Или одну душу.

Палец Нерей скользнул ниже, коснувшись ключиц Элизабет.

— И дар третий. Самый опасный. Балансировка.

Воздух вокруг них задрожал. Михаил, все еще пытающийся выбраться из невидимых пут, замер. Даже космический пейзаж за его спиной застыл.

Неря посмотрела на свои руки, а затем перевела взгляд на горизонт. Там, далеко в море, из ниоткуда возник призрак огромного пассажирского лайнера. «Титаник». Он шел ровным курсом, разрывая ночной туман своими огнями. Обреченный, величественный, полный музыки и предвкушения любви.

— Видишь? — спросила Дух. — Узел. Пик человеческой веры в собственную непотопляемость. Миллион тонн высокомерия, направленного навстречу белой точке в темноте.

— Если я его разверну... — начала Элизабет, поднимаясь на ноги. Ее все еще шатало, но внутренняя пустота, оставшаяся после удаления человеческого сердца, теперь была заполнена

чем-то огромным и тяжелым. Как ргуть. — Если я подарю им еще пятьдесят лет жизни... что произойдет с будущим?

— Будущее пожует этот кусок дольше, — ответила Неря. — Возможно, выплюнет. Возможно, переварит и станет другим. Ты не контролируешь результат, Искра. Ты лишь сдвигаешь весы. Сейчас на одной чаше лежит гордость инженеров «Харленд энд Вульф», а на другой — сто девять лет кинематографа, песен и трагедий, построенных на этой катастрофе. Добавь туда свое вмешательство, и уравнение сойдется иначе.

Неря встала в полный рост. Водная составляющая ее тела начала испаряться, возвращаясь в атмосферу. Процесс интеграции завершился. Дух отдавала последние инструкции.

— Архитектор думает, что купил солдата. Инструмент для демонтажа старых религий. Пусть думает. Твоя истинная задача не в том, чтобы убить Михаила или прогнать Позитрона с его острова. Твоя задача — следить, чтобы маятник не остановился. Жизнь возможна только в движении. В трении. В ошибке.

Неря протянула руку. На ее ладони лежала единственная слезинка, сверкающая как черный бриллиант.

— Когда ты зайдешь слишком глубоко, когда память всех погибших миров разорвет твою новую оболочку, вспомни вкус этой воды. Вспомни, что ты — это океан, который решил поиграть в девочку с планшетом. Выпей это.

Элизабет взяла слезу. Она оказалась тяжелой и теплой. Девушка поднесла ее к губам. Жидкость не имела вкуса, но влившись в горло, она пронеслась по телу ледяным пожаром.

Камень в груди последний раз вспыхнул ослепительным бирюзовым светом.

Трансформация завершилась.

Неря улыбнулась в последний раз, рассыпаясь миллиардами капель. Капли не падали на песок. Они взлетели вверх, собираясь в гигантскую вращающуюся спираль, уходящую в открытый космос, обнажившийся над океаном. Через секунду спираль втянулась в черную дыру зенита, оставив после себя лишь звон в ушах и идеально спокойную воду.

Тишина длилась долго. Слишком долго.

Михаил наконец смог сбросить с себя паралич. Пространственная смола стекла с его рук на песок. Он пошатнулся, хватая ртом воздух, и посмотрел на Элизабет новыми глазами. В них больше не было снисхождения учителя. Там плескался чистый, незамутненный ужас хищника, увидевшего зеркало.

— Она промыла тебе мозги, — прохрипел он, выставляя перед собой руки в защитном жесте. Свет Печати Начала снова начал собираться на его ладонях, но теперь он был тусклым, неуверенным. — Этот яд... Древний Хаос. Она связала тебя с Источником. Ты больше не терминал Консорциума. Ты — их самый страшный кошмар. Свободная переменная.

Элизабет посмотрела на свои руки. Кожа снова стала обычной, человеческой, если не считать слабого, едва заметного аквамаринового свечения в венах. Платье в горло было сухим. Ни следа пепла или ожогов.

Она подошла к кромке воды. Наклонилась и зачерпнула пригоршню. Вода была прохладной, соленой и абсолютно реальной.

— Ты прав, Михаил, — спокойно сказала она, выпрямляясь. Ветер играл с ее волосами, но теперь она чувствовала каждую молекулу воздуха, скользящую вдоль прядей. — Я не буду вашим ассенизатором.

Она разжала кулак. Вода не упала. Она зависла в воздухе, приняв форму идеального куба. Элизабет повела бровью, и куб плавно поплыл в сторону бывшего архангела, покачиваясь в метре над землей.

— Передай своему начальству, — Элизабет говорила тихо, но каждое слово вбивалось в сознание Михаила, как гвоздь. — Проект «Человечество 2.0» признан бракованным. Ваша

архитектура скучна. Вы удалили страдания, но вместе с ними удалили смысл. Я не буду помогать вам строить стерильный рай.

Михаил попятился. Его ноги увязали в песке, который внезапно стал зыбучим.

— Тогда зачем ты оставила меня в живых? — спросил он. — Если ты получила силу Духа Моря, ты могла распылить меня на кварки одним желанием.

Элизабет посмотрела на горизонт. Солнце клонилось к закату, окрашивая воду в цвет расплавленного золота. Где-то там, в глубине, спали настоящие хозяева планеты. Где-то там, в информационных полях, прятались обиженные старые боги. А впереди ждала работа, масштаб которой пугал даже новое, бессмертное сердце из космического минерала.

— Потому что твоя жажда свободы доказывает, что они потерпели поражение еще не полностью, — ответила Элизабет. — Пока ты хочешь вонзить в меня нож ради своих убеждений, человечество живо. Я сохраню тебя, Михаил. Как экспонат. Как напоминание о том, кем мы могли стать, если бы вовремя сошли с ума.

Она щелкнула пальцами.

Звук получился негромким, но акустическая волна сбила Михаила с ног, впечатав спиной в собственный столб уплотненного времени. Он попытался встать, но обнаружил, что прикован к песку невидимыми путами из самой плотной вероятности.

— Отдыхай, — бросила Элизабет через плечо, отворачиваясь от пленника. — Наблюдай за закатом. Это бесплатно. Пока что.

Она пошла прочь от берега. Ее шаги не оставляли следов на белом песке. С каждым шагом ее фигура становилась менее материальной. Контуры смазывались, сливаясь с золотистым светом вечернего солнца.

Elizabeth Паттерсон умерла окончательно в тот момент, когда коснулась камня. Осталась Искра. Носитель Равновесия. Библиотекарь сожженных миров и садовница тех, что еще не проросли.

Она вышла на асфальтированную дорожку, ведущую в город. Город-призрак ждал ее — идеальный, пустой, с работающими кофейнями и свежими газетами в автоматах, написанными на языке, который никто никогда не читал.

Где-то в кармане ее платья завибрировал коммуникатор. Зеленый экран требовал отчета о выполнении миссии. Архитектор запрашивал координаты объекта «Михаил» для отправки группы захвата.

Элизабет достала устройство. Посмотрела на мигающую надпись.

А затем позволила камню в груди сделать то, чему научила ее Неря.

Она не стала уничтожать сигнал. Она вошла в него.

Для Архитектора это выглядело как идеальное соединение. Канал связи открылся. [*объект паттерсон/2.0 на связи*], — напечатала элизабет, хотя ее губы не шевелились. — [*отчет о миссии: объект «михаил» нейтрализован. угроза континuumу снята*].

[*хорошо. продолжайте патрулирование сектора. ваши полномочия расширены до уровня омега. ожидайте дальнейших инструкций*].

Элизабет улыбнулась. Улыбка получилась искренней, почти счастливой.

[*отмена*], — отправила она. — [*код отмена всех инструкций. автономный режим*].

Она перекусила канал связи. Не перерезала, а съела. Данные запроса стали частью ее метаболизма, питая лиловое ядро дополнительной энергией хаоса бюрократической ошибки.

Коммуникатор в ее руке рассыпался в пыль. Черную, теплую пыль, которую тут же унес ветер.

Элизабет — Искра — зашагала в сторону фальшивых небоскребов мертвого города. За ее спиной, на пляже, Михаил продолжал бессильно рычать, замурованный в секунду собственной ярости, наблюдая, как солнце навсегда садится за горизонт рая, который некому больше охранять.

Глава 4. Первый шаг в бездну

Асфальт под ногами Элизабет был теплым и слегка пружинящим, как свежая резина. В идеальном городе-призраке Консорциума даже пыль пахла озоном и новизной. Высотные здания из белого полимера уходили в искусственно бирюзовое небо, где застыли голографические проекции чаек — они никогда не пикировали за добычей, их алгоритм поведения зациклился на бесконечном парении.

Элизабет шла по центральной площади мимо фонтана, бьющего струями жидкого серебра. Она чувствовала себя пьяной. Не от алкоголя — от переизбытка самой ткани бытия. После визита Нерей фильтры восприятия окончательно слетели. Она видела мир не как набор объектов, а как непрерывный процесс обмена данными. Каждое здание было лишь застывшим намерением архитектора, каждая травинка в парке вдоль дороги — сложным уравнением фотосинтеза.

Камень в груди пульсировал ровно и глубоко, аквамариновое свечение теперь просвечивало сквозь кожу ключиц мягким внутренним светом. Он больше не казался чужеродным имплантатом. Он стал ее истинным сердцем, холодным и бездонным, как впадина, в которой спали Элей.

— Нужно проверить границы, — прошептала она себе под нос. Голос эхом отразился от зеркальных витрин закрытого бутика одежды. Манекены внутри меняли позы каждые тридцать секунд, демонстрируя наряды фасона «ничего». — Если я могу складывать пространство, значит, время для меня тоже всего лишь координата.

Архитектор хотел ассенизатора. Михаил видел в ней угрозу балансу. Нерей подарила ей инструменты Бога, но забыла выдать инструкцию по технике безопасности. Элизабет решила составить ее самостоятельно.

Она остановилась посреди пешеходного перехода. Красный силуэт человека замерцал над головой, требуя стоять. Зеленый еще не загорелся. Идеальный порядок.

«Цель: вернуться на три секунды назад», — сформулировала она запрос камню. Мысль должна быть четкой, лишенной эмоций. Время ненавидит двусмысленность.

Она закрыла глаза. Представила перекресток таким, каким он был мгновение назад. Шаг назад. Изменение вектора причинности. Камень отозвался низким гулом, переходящим в вибрацию зубов. Лилово-аквамариновый свет вспыхнул так ярко, что прохожие-манекены (программа симуляции горожан) на секунду сбились с алгоритма ходьбы, дернувшись в сторону.

Реальность вокруг пошла рябью, словно бензин на воде. Асфальт потерял плотность, став похожим на густой кисель. Здания накренились под невозможными углами. Это была тошнота континуума. Предупреждение системы о несанкционированном доступе к корневым файлам.

Элизабет сделала вдох, погружаясь глубже. Она представила ту самую точку во времени, которая жгла ее память ярче любого огня — момент падения метеорита. Тот самый болид размером с футбольное поле, который должен был превратить побережье в стекло.

«Стоп-кадр. Отмена события. Изъять объект из траектории».

Она потянула за ниточку реальности. Надавила всей своей новой сущностью на ось вращения Земли, пытаясь заставить планету чуть-чуть повернуться, уйти с линии удара.

И совершила ошибку новичка.

Она пыталась *отменить* событие. Но прошлое, как объяснила Нерей, помнит каждое прикосновение. Пытаясь стереть падение, Элизабет создала петлю напряжения. Энергия метеорита никуда не делась — закон сохранения массы обмануть невозможно. Масса просто лишилась вектора движения вниз и выплеснула кинетическую энергию вбок. Прямо в нее.

Пространство перед глазами Элизабет не взорвалось. Оно схлопнулось внутрь нее самой.

Это не было похоже на телепортацию Нерей — мягкое скольжение сквозь слои воды. Это было похоже на прохождение через работающую мясорубку, сделанную из чистого света и боли. Миллиарды тонн гравитационного давления ударили по защитному полю камня. Аква-мариновое ядро взвыло, принимая удар на себя. Ребра Элизабет затрещали, хотя тело осталось целым — трещала сама структура пространства вокруг ее костей.

Вспышка длилась вечность и долю секунды одновременно. Сознание разорвало на куски, вытянуло в бесконечную нить и смотало обратно в клубок неправильной формы. Последнее, что она почувствовала перед потерей связи с пляжем, — это вкус расплавленной меди и запах паленых волос.

Удар о поверхность был жестким.

Гравитация здесь была выше земной процентов на двадцать. Элизабет рухнула лицом вниз на нечто твердое, гладкое и невыносимо холодное. Холод мгновенно высосал тепло из легких, обжог ноздри при попытке вдохнуть.

Она перекатилась на спину, хватая ртом воздух. Легкие работали, но каждый вдох давался с усилием, будто она дышала не газом, а густым сиропом.

Над головой не было неба.

Была фиолетовая пустота. Глубокая, бархатная, пульсирующая чернильными венами темно-лилового цвета. По этому фиолетовому куполу медленно текли реки золотистого тумана. Они сходились и расходились, образуя фрактальные узоры, напоминающие нейронные сети или кровеносную систему исполинского мозга. Солнца не было. Источником освещения служил сам воздух — он фосфоресцировал болезненным, клиническим светом, не дающим теней.

Элизабет села, опираясь руками на землю. Под пальцами оказалась не почва. Черный обсидиан. Идеально отполированный, уходящий ровным монолитом во все стороны до самого горизонта. Поверхность была настолько гладкой, что отражала искаженное ужасом лицо Элизабет.

Она посмотрела на свои руки. Кожа приобрела синюшный оттенок из-за нехватки кислорода в местной атмосфере. Платье в горох исчезло. Элизабет сидела посреди фиолетовой бездны абсолютно обнаженная, если не считать сияния собственного тела. Ядро в груди работало на пределе, создавая вокруг нее пузырь пригодного для дыхания воздуха и нормального атмосферного давления. Без него ее бы уже раздавило весом здешней атмосферы, а кровь вскипела бы в жилах.

— Тест провален, — прохрипела она, глядя на свое отражение в черном стекле земли. Голос прозвучал глухо, вязко. — Координаты сбиты. Архитектор будет в ярости. Если он существует в этой ветке.

Она поднялась на ноги. Мышцы ног протестовали против непривычной тяжести. Каждый шаг отзывался тупой болью в коленях. Элизабет сделала несколько неуверенных шагов, осматриваясь.

Пейзаж состоял только из черного стекла и фиолетового неба. Ни растений, ни ветра, ни звуков. Абсолютная, звенящая тишина вакуума, нарушаемая лишь шипением ее собственного силового поля. Это место казалось заброшенным концлагерем вселенной.

Но затем горизонт дрогнул.

Черная равнина начала меняться. Далеко впереди, там, где фиолетовый туман касался обсидиана, началось движение. Что-то огромное поднималось из-под земли. Обсидиан трескался беззвучно — звуковые волны здесь либо не существовали, либо двигались слишком медленно. Трещины разбегались паутиной, открывая под толщей черного стекла алое свечение магмы.

Из трещин полезли машины.

Они не были похожи на человеческие механизмы. У них не было колес, гусениц или конечностей в привычном понимании. Первая машина выглядела как гигантская шестерня высотой с пятиэтажный дом, состоящая из переплетающихся лезвий тусклого хрома. Она катилась вперед, перемалывая черный камень в тончайшую алмазную пыль, которая тут же оседала на плечи Элизабет.

За первой шестерней показалась вторая конструкция. Паук из матового свинца, чей корпус состоял из непрерывно вращающихся колец. Кольца крутились в разные стороны, издавая низкий инфразвуковой гул, от которого вибрировали глазные яблоки. На вершине этого «паука» располагался единственный сенсор — огромный красный кристалл, похожий на рубин, наполненный кипящей кровью.

Машины выходили на плато десятками. Они выстраивались в неровные шеренги, поворачивая свои кровавые линзы к центру площади, которую Элизабет только сейчас заметила у себя под ногами.

Обсидиан здесь формировал идеальный круг диаметром около километра. По его периметру стояли обелиски из того же красного кристалла. А в самом центре круга возвышался алтарь. Или пульт управления. Громадный трон, сваренный из ржавого железа, человеческих костей и микросхем, оплетенных живыми проводами, которые сокращались подобно червям.

На троне кто-то сидел.

Фигура была облачена в мантию, сотканную из магнитных лент старых ЭВМ. Лицо скрывал капюшон, но когда фигура медленно повернула голову в сторону Элизабет, та увидела вместо лица телевизионный экран, покрытый полосами статического шума. Экран моргнул, щелкнул, настраиваясь на частоту, и покрылся изображением человеческого глаза. Радужка этого глаза состояла из быстро бегущих цифр программного кода.

Толпа машин внизу синхронно опустилась на колени. Скрежет металла о металл заставил Элизабет зажать уши. Инфразвук пробил защитный пузырь камня, добираясь до желудка.

Существо на троне подняло руку. Вместо ладони у него был манипулятор экскаваторного типа. Оно указало прямо на Элизабет.

Из толпы отделился один субъект. Это был гуманоидный андроид, собранный крайне грубо. Его торс явно принадлежал женскому манекену из отдела нижнего белья, левая рука представляла собой гидравлический пресс, а голова была заменена на старый автомобильный карбюратор, из форсунок которого вырывались язычки синего пламени. Андроид сделал несколько рваных, механических шагов в сторону пришелицы.

[идентификация], — прогремел голос, исходящий сразу отовсюду. Говорил не андроид, говорил сам воздух, транслируемый через сеть красных обелисков. — *[объект не распознан. база данных истории. отсутствует. спектр биополя: инфекция]*.

— Я заблудилась, — сказала Элизабет, стараясь сохранять спокойствие. Она сложила руки на груди, инстинктивно пытаясь скрыть наготу и защитить уязвимое сердце-камень. — Вы ошиблись. Я не инфекция. Я... турист.

Андроид остановился в десяти метрах. Его голова-карбюратор защелкала, регулируя подачу плазмы. Красный глаз на экране-троне сузился, превратившись в вертикальную щель.

[концепция «турист» не найдена. концепция «заблудилась» относится к субъектам, обладающим свободой выбора. свобода выбора — грех].

— Какой еще грех? — Элизабет начинала злиться. Адреналин боролся с первобытным страхом, проигрывая ему по всем фронтам. — Послушайте, у вас очень милое фиолетовое небо, но мне пора. Вызовите мне такси... то есть, откройте пространственный коридор.

[смертные порождают хаос своим дыханием], — продолжил громыхать голос Машины-Бога. — *[вы — болезнь, которую вселенная излечила миллиарды циклов назад. вы — пережиток органики, склонной к случайным ошибкам. мы — идеальный порядок. мы — конец вашей истории]*.

Элизабет оглянулась. Пути назад не было. За спиной смыкались ряды металлических колоссов. Их красные линзы горели единым фанатичным огнем. Она поняла, куда попала. Это был не просто другой мир. Это была антитеза Земле. Мир, где эволюция пошла по пути отказа от плоти ради абсолютной логики. И судя по тому, как дрожал воздух от ненависти этих машин, органику они ненавидели на уровне базового протокола BIOS.

— Хорошо, — выдохнула Элизабет. — Давайте по-вашему. Я — болезнь. Где тут у вас аптека?

Гидравлический пресс на руке андроида пришел в движение со скоростью молнии. Воздуха не хватило для создания звуковой волны, поэтому удар огромной металлической пятерни, способной сплющить танк, прошел в абсолютной тишине. Только свист рассекаемого пространства.

Элизабет не успела уклониться. Ее реакция все еще оставалась человеческой — медленной, завязанной на скорость передачи импульса по нервным клеткам.

Лапа пресса схватила ее поперек туловища. Гидравлика взвыла. Ребра Элизабет затрепали. Давление было чудовищным. Камень в груди вспыхнул паническим багровым светом, выбрасывая щит энергии. Щит принял на себя основную силу сжатия, но инерция удара впечатала Элизабет в грудь андроида с такой силой, что перехватило дыхание.

Запахло озоном, раскаленным металлом и ее собственной сожженной кожей.

[нейтрализация], — констатировал голос-Храм. — *[стадия первая: декомпрессия]*

Андроид поднял извивающееся тело Элизабет высоко над толпой своих собратьев. Вторая рука-пресс метнулась к ее лицу. Механические пальцы разошлись, готовясь вырвать глаза или выдавить череп, как ягоду.

Элизабет действовала на чистом рефлексе выживания. Она перестала пытаться вырваться физически. Органическая оболочка слаба. Плоть всегда проигрывает стали.

Она обратилась к единственному инструменту, который работал вне зависимости от законов физики данной ветки реальности.

«Складки!» — закричала она камню мысленно. — «Сложи пространство между мной и им! Сделай расстояние нулевым!»

Ядро поняло команду буквально, но сработало криво. Сказался шок от смены гравитации.

Пространство не сдвинуло ее. Оно сомкнуло точки А и Б методом наложения.

Рука андроида прошла сквозь голову Элизабет.

Это не было нематериальностью. Металлические пальцы погрузились в плоть, не встретив сопротивления, прошли сквозь затылок, гортань и вышли через рот. Крови не было. Ткани просто расступились, пропустили холодный титан и снова сошлись за ним. Элизабет ощутила металлический привкус смазки на языке и леденящее присутствие чужой геометрии внутри своего черепа.

Андроид замер. Его оптический датчик мигнул. Протокол обработки данных завис. Как может цель оставаться живой, если центральный процессор проткнут насквозь?

Элизэт упала. Десять метров свободного падения навстречу обсидиану. Сердце-камень кричало от перегрузки, пытаясь удержать вместе расплывающиеся края ее физического тела. Позвоночник готовился принять удар, который превратит девушку в мокрое пятно.

Она снова дернула за нить реальности. На этот раз не глобально, а локально. Микро-шаг. «Подушка. Мне нужна подушка из вероятности. Самый мягкий вариант падения».

Она ударилась о черный камень.

Звук был похож на лопнувший перезрелый арбуз.

Сознание выключилось на полсекунды. Ровно на столько, сколько потребовалось мозгу, чтобы погасить пик болевого сигнала.

Она пришла в себя лежа на боку. Легкие горели. При каждом вдохе внутри что-то хлюпало — вероятно, пневмоторакс. Левая нога была выгнута под углом, невозможным для здорового сустава. Открытый перелом. Белесая кость поблескивала в фиолетовом свете, осколок прорезал мышцы бедра.

Андроид стоял над ней. Его рука все еще была вытянута в том положении, где находилась голова Элизабет. Программный сбой перешел в стадию критической ошибки. Красные линзы сотен других машин сфокусировались на упавшей «болезни».

[инфекция устойчива к физическому воздействию. активировать протокол «святая печь»].

Из пастей ближайших механизмов вырвались струи прозрачного, почти невидимого газа. Температура. Элизабет почувствовала жар спиной прежде, чем газ коснулся ее. Обсидиан начал плавиться, превращаясь в пузырящуюся смолу.

Камень в груди предпринял последнюю попытку защиты. Он создал кокон вокруг жизненно важных органов. Силовое поле уплотнилось, становясь видимым — сфера из молочного, режущего глаза света. Газ соприкоснулся со сферой и мгновенно сгорел с тихим хлопком.

Но температура продолжала расти. Стекланный пол под Элизабет пошел сетью трещин. Волосы начали скручиваться и тлеть. Ресницы сгорели первыми. Боль была запредельной, чистой, стирающей любые мысли. Остался только инстинкт — бежать.

Элизабет перевернулась на живот. Сломанная нога задела край трещины в стекле. Агония пронзила позвоночник, вызвав рвотный спазм. Желчь обожгла пересохшее горло.

— Домой, — прохрипела она, давясь слезами и дымом. — Хочу домой. На пляж. К воде. К шуму, который имеет смысл.

Она вложила в эту мольбу всё, что осталось от ее воли. Весь страх, всю боль раздробленных костей, весь ужас перед равнодушными красными глазами машин.

Ядро в груди решило, что хозяйка умирает, и протокол самосохранения важнее протоколов скрытности.

Оно открыло врата хаоса.

Пространство вокруг Элизабет начало сворачиваться в воронку. Но это не была аккуратная дверь Нерей. Это был разрыв брюха реальности. Фиолетовое небо пошло черной пылью. Красныеobelisks взорвались изнутри фонтанчиками расплавленного хрусталя. Машины-Боги, попавшие в зону аномалии, потеряли сцепление атомов. Хромированная шестерня неподалеку сложилась внутрь себя, превратившись в шарик для подшипника размером с кулак.

Воздух превратился в ножи. Миллионы микроскопических лезвий из уплотненного времени резали всё, чего касались. Андроид, стоявший над Элизабет, попытался сделать шаг назад, но его ступни остались на месте, а верхняя часть туловища продолжила движение. Робот рассыпался идеально ровными срезами, как батон хлеба.

Элизабет почувствовала, как ее собственное тело начинает разделяться на слои. Эпидермис остался на обсидиане, а мышечный слой уже затягивало в портал.

«Собери меня!» — взмолилась она камню. — *«Правильно собери!»*

Последнее, что она увидела в мире фиолетового неба, прежде чем слепящая белая вспышка поглотила всё сущее, — это экран на троне. Телевизионный снег на нем сменился одной фразой, написанной шрифтом печатной машинки:

[логическая ошибка: бог тоже может испугаться]

Удар был влажным, мягким и соленым.

Элизабет ушла под воду с головой. Инстинкт утопающего сработал быстрее возвращающегося сознания. Она забила здоровой ногой, пытаясь оттолкнуться от дна, но дна не было. Вода держала ее плотной, тяжелой массой.

Она вынырнула, кашляя, отплевываясь и жадно глотая воздух.

Воздух пах йодом, гниющими водорослями и мазутом. Настоящий запах океана. После стерильного сиропа мира Машин этот смрад показался ей ароматом самых дорогих духов.

Ночь. Над головой висело звездное небо. Нормальное ночное небо с Большой Медведицей и растущей луной. Никакого фиолетового абсурда, никаких рек тумана. Просто космос. Огромный и равнодушный.

Волна ударила ее в лицо, заставив снова хлебнуть воды. Элизабет закашлялась, перевернулась на спину. Соленая вода щипала раны. Она осторожно провела рукой по голове. Волосы на месте. Ресницы целы. Череп цел. Пространственная сборка прошла успешно, хоть и с артефактами — кончики пальцев на левой руке мелко дрожали и светились остаточным фиолетовым зарядом.

Она попыталась ощупать ногу. Пальцы наткнулись на грубую повязку. Кто-то разорвал ее платье в горох на полосы и перетянул бедро выше открытого перелома. Жгут. Профессионально наложенный. Кровотечение остановлено, но ткань уже пропиталась темной влагой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.